

ДРЕВО ПОРФИРИЯ И КАРТИНА МИРА*

С.Г. Проскурин

Национальный исследовательский
Новосибирский государственный
университет,
Новосибирский государственный
технический университет,
Новосибирск, Россия

s.proskurin@mail.ru

Таксономии естественного мира восходят к классической комментаторской традиции Порфирия. Творчество Порфирия дает нам основание судить о темпах развития семиотики и философии имени. Составляя таксономию естественного мира, Порфирий проводит тонкое различие объективов и неobjективов живого языка по степени их индивидуности, выраженности в природе. Характеристика индивидуности мира совпадает с последовательностью слоев в картинах мира – от древнейших периодов до современности. Так, последовательность растительного, зооморфного и антропоморфного кодов в интерпретации мира совпадает с естественными таксономиями древа Порфирия. Представление индивидуальных значений связано с переходом от бедных рубрик к более развернутым. Так, индивидуность пространства является максимально низкой, и многие пространственные объекты получают метафоризацию в растительном, зооморфном и антропном коде. Степень индивидуализации пространственных сущностей поднимается до их различения с помощью имен собственных, которые сообщают бедным объектам более высокую степень различения. Степень индивидуности представляет собой некоторую «окаменелость», в рамках которой отслеживаются эволюционно сменявшие друг друга картины мира. Так, в индоевропейском космосе наиболее древняя картина мира связана с концептом мирового древа. В результате у исследователя возникает возможность регистрировать подобные «окаменелости» в виде индивидуальных текстов, рисующих образ пространства в эволюционной программе развития космоса. На смену растительному коду в индоевропейском космосе приходит зооморфный код, в котором индивидуность в метафоризации пространственных объектов нарастает за счет привнесения в структуру метафоры тела животного. Тело животного обладает более высокой степенью индивидуности, чем растительная субстанция.

Относительно следующей степени индивидуности, а именно антропоморфного кода, можно сказать, что он приходит на смену более бедным слоям растительного и зооморфного кодов. Таким образом, нами регистрируется программа эволюции индивидуности и ее рефлексия в картинах мира индоевропейских народов. Картирование пространства представляется важной задачей в метафоре микрокосм–макрোকосм. При этом метафоризация макрокосма лексически ограничена, что свидетельствует о маловероятности смешения порядков архаического космоса. Чем глубже мы проникаем в древние слои языка и культуры, тем большую степень специализации мы обнаруживаем.

Ключевые слова: таксономия, индивидуность, растительный код, зооморфный код, антропоморфный код.

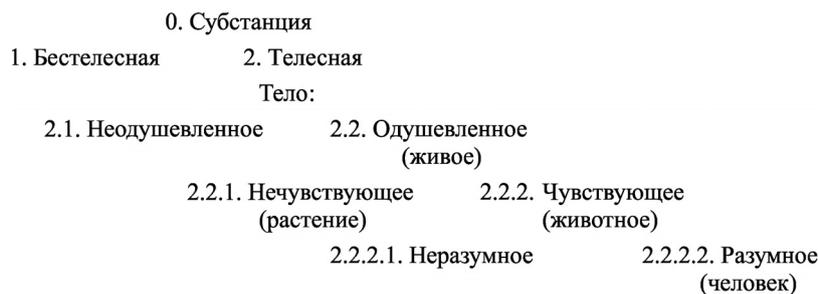
DOI: 10.17212/2075-0862-2017-2.2-132-139

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

Субстанции мира способны не только именовать себя, но и выступать в качестве некоторого кода. Например, телесный, растительный, зооморфный и антропоморфный коды широко использо-

вались для категоризации объективного мира.

Естественная таксономия объективной реальности в свое время была представлена комментатором Порфирием (см. рисунок).

«Древо» Порфирия

«Древо Порфирия» может быть легко модифицировано для лингвистических целей. Согласно Ю.С. Степанову, «Модифицированное “Древо Порфирия” представляет собой таксономию имен существительных естественного языка – их семиологическую классификацию. Оно обладает следующими четырьмя примечательными особенностями:

1) будучи классификацией имен, оно отражает вместе с тем естественную, т. е. данную в природе, классификацию объектов (“Вещи”, “Растения”, “Животные”, “Люди”). Классификация, таким образом, подчеркивает, что, как гласил еще средневековый тезис, “имена суть следствия вещей” (лат. *Nomina sunt consequentia rerum*);

2) оно построено по родовидовому принципу, причем каждая рубрика, имеющая четный номер, позволяет продолжить деление рода на виды, в то время как каждая рубрика с нечетным номером в известном смысле является тупиком и не позволяет продолжить деление на тех же основаниях. Чем меньше нечетный номер, тем сильнее это отрицательное свойство ру-

брики. Рубрика «Вещи» выбывает из классификации уже на втором этапе, и следует ожидать, что она резко отличается по указанным принципам деления от последующих групп [...];

3) поскольку все следующие за группой “Вещи” рубрики подчиняются родовидовому принципу и одновременно это группы категории “Живые”, то можно сформулировать кардинальное для языковой семантики положение: родовидовой принцип классификации (чего бы то ни было) является абстракцией отношений рода и вида в живой природе. Отсюда делается понятным, почему “Вещи”, как правило, не поддаются родовидовой классификации;

4) рубрики приведенной классификации как раз и являются теми различными “системами”, о возможности которых мы упомянули выше и в которых отношение индивида и множества решается совершенно по-разному. В общем виде: чем больше порядковый номер группы, тем большую степень индивидуальности она задает (и требует) в языке для входящих в нее имен» [7, с. 75, 76].

Степень индивидуальности мира нарастает от бестелесной субстанции через Вещь, Растение, Животное к Человеку (см. схему). Любопытно, что такая последовательность задает алгоритм описания мира в разделах реологии (т. е. вещного космоса), растительной субстанции, зооморфного образа и, наконец, в разделе уподобления человеку. Максимально бедной индивидуальностью обладают пространственные объекты, поэтому они, как правило, описываются в терминах более индивидуальных субстанций растения, животного, человека. Всем нам хорошо знаком феномен химеры. Ее мы можем описать путем уподобления более богатым по степени индивидуальности образам. «Мы можем, например, объяснить, что такое химера, тому, кто никогда о ней не слышал или не знал, сказав, что это – животное с телом льва, с головой козла, растущей из середины спины, и змеей вместо хвоста. Описываемый здесь предмет является сложным, но он весь состоит из частей, которые всем хорошо известны – змея, козел, лев; мы знаем также, каким способом эти части должны быть соединены вместе. И так обстоит дело со всеми предметами, а не только с известными, которые мы способны определить: все они – сложные предметы, состоящие из частей, которые можно, как в первом примере, раскладывать на более простые части до тех пор, пока в конечном счете они не будут сведены к простейшим частям, уже не поддающимся определению» [4, с. 64]. Так, центральная фигура ассирийско-вавилонского пантеона, бог Мардук, предстает в образе льва, змеи и орла. Зооморфный образ большей индивидуальности позволяет описать актора мифопоэтического мира.

В англосаксонских пространственных представлениях бедные с точки зрения индивидуальности субстанции описываются с по-

мощью растительного кода. При обозначении границ поля композит *wyrtruma* (корень), как правило, относился к его нижней части, т. е. пространственный объект мыслится в категориях растительной субстанции, имевшей строение «корень–верхушка»: *Of þam seade swa wyrtruma sceat of Ramleah weg* (Cod.Dipl., 111, 455, 22. Цит по [6]). (От посева, края нижней части поля (букв. корня) до дороги в Рамлеах).

Степень индивидуальности пространственных объектов увеличивается за счет привнесения структуры телесных фигур. Так, низ символизировался лексемой *fol* (нога). Имена реляционной семантики, как показало наше исследование, являются часто лексически отграниченными, что свидетельствует об их сложной природе ср.: *рука, но рукав реки; уста, но устье реки; нога, но подножье; шея, но перешеек* [Там же].

Как считает У. Эко, идея словарной структуры возникла как раз из модели Порфирия. «Порфирий, как уже говорилось, перечисляет пять предикабилей: род, вид, дифференцию, свойство и акциденцию. Пять предикабилей представляют собой способ определения для каждой из десяти категорий. Поэтому можно говорить о десяти древах Порфирия: одно для субстанций, которое позволяет определить человека как ЖИВОТНОЕ РАЗУМНОЕ СМЕРТНОЕ, и по одному для каждой из других девяти категорий, например, дерево качеств, в котором пурпур определяется как вид рода красного. Следовательно, существует десять возможных деревьев, но нет дерева деревьев, ведь бытие не является *summit genus* (лат. *высший род*).

Без сомнения, дерево субстанций Порфирия стремится к тому, чтобы быть иерархическим и законченным, состоящим из родов и видов. Определения Порфи-

рия являются абсолютно формальными: род – это то, чему подчиняется вид, а вид – то, что подчинено роду. Род и вид взаимопределяемы, а значит, являются взаимопределяющими. Каждый род, стоящий на верху древа, включает в себя зависящие от него виды, каждый подчиненный роду вид является родом для вида, ему подчиненно, и так до самого низа древа, где размещаются *species specialissime* (лат. *виды видов*, или *виды в наивысшей мере*), или вторичные субстанции, такие, например, как человек. На самом высшем уровне стоит *genus generalissimum* (лат. *род родов*, или *род в наивысшей мере*), носящий то же название, что и категория, которая не может быть видом чего-либо другого. Род может находиться в предикативных отношениях с видами, в то время как виды принадлежат роду» [9, с. 10].

Пространственные сущности слабо индивидуализируются, так как их трудно определить. Прежде всего имена пространственных объектов – гора, река, пролив, поверхность (земли) – являются одновременно и именами класса, и именами индивидов этого класса, т. е. индивидуализируются лишь с одной стороны. При этом индивидуализация происходит путем уподобления лицу, и тогда объект получает собственное имя, например: Монблан – гора в Альпах, Сена – река во Франции и т. д. Но если мы попытаемся описать, скажем, какой-нибудь пик индивидуально, то мы столкнемся с трудностями выбора точного наименования для той или иной части этих объектов.

Показателен пример описания места захоронения декабристов [8]. Анализируя дневник А.С. Пушкина, исследователи встретились с трудностью идентификации пространственного объекта, имеющего непосредственное отношение к месту захоро-

нения этих останков. В дневнике упомянуто, что могила находится «у скаль». Поиск объекта с этими признаками не дал результатов. Разрешить проблему удалось при более глубоком филологическом анализе материала. Дело в том, что под *скалой* в первой половине XIX века понимался вовсе не каменный утес. Ни словарь Российской академии, ни современный словарь языка А.С. Пушкина не фиксируют такого распространенного сегодня слова, как «обрыв». В словаре Даля читаем: «скалстые», *то бишь обрывистые, берега на низменном и болотистом Голодае есть только здесь, у начала косы* (цит. по [8, с. 24]). Определить место захоронения пяти декабристов удалось после уточнения степени индивидуализации пространственного объекта *скала* в XIX веке.

Обусловлена ли слабая индивидуальность пространства и пространственных объектов только слабой потребностью человека различать индивидуальность в этой сфере, или для этого имеются объективные основания? Несомненно, и то и другое.

Дерево Порфирия указывает на увеличение с порядковым номером рубрики степени индивидуальности предмета в мире. Так, если пространственный объект обнаруживает самую слабую меру индивидуальности, то человек, человеческое тело, находится на вершине указанного отношения.

Индивидуальность нарастает от слабо выраженной до индивидуальности. Гегель и Гете, прозорливо подметив слабую объективную степень индивидуальности в растительном царстве, связывали ее с малой противопоставленностью частей в пределах организма одной особи. Действительно, если индивидуализация человека по внешнему облику происходит прежде всего путем различения и противопоставления частей его тела (рост, комплекция,

форма носа, разрез глаз, их цвет, рисунок губ и т. д.), то в организме отдельного растения его части недостаточно противопоставлены друг другу. «Растение как первый сущий для себя субъект, возникающий из непосредственности, есть, однако, лишь слабая младенческая жизнь, еще не поднявшаяся в самой себе до различия... Господствующий в растительном царстве рост есть поэтому умножение самого себя как изменение формы; наоборот, рост животных есть лишь изменение величины, при котором образ остается одним и тем же <...>. Рост растения <...> это не приход к себе в виде индивидуума, а размножение индивидуальности; единая индивидуальность является, таким образом, лишь поверхностным единством многих [2, с. 339].

Сравним сходную мысль Гете: «Чем совершеннее становится существо, тем менее похожими друг на друга становятся его части» [3, с. 13]. Степень индивидуальности пространственных объектов, таким образом, увеличивается за счет структуры телесного.

Ярким примером экземплификации растительного, зооморфного и антропоморфного кодов в картине мира является концепция Мидгарда в скандинавской мифологии. В семантической мотивировке Мидгарда изначально устанавливается архитектурный символ, вероятно, оформленный как дерево. «Учитывая партитивную природу композита *midja-gardaz*, мы реконструируем его изначально не как “срединное огороженное место”, а как “середина (центр) огороженного пространства”» [5]. Обнаруживается, что в основе наименования древнегерманского мира прежде всего лежала идея сакральной значимости центра, обычно получавшего воплощение в виде «мирового древа». Так растительный код, поднявшийся из безликости бестелес-

ных субстанций становится одним из первых символов середины. В германской мифологии мировое дерево – Иггдрасиль – является структурной основой мира, т. е. бедной субстанции, или, иначе, становится «древом жизни и судьбы, соединяющим различные миры – небо, землю, подземный мир, всего девять миров» [Там же]. Далее в концепции Мидгарда выделяется зооморфный образ Мидгардормра (Змея Мидгарда), который живет в мировом океане, окружающем обитаемую землю. И, наконец, в концепции Мидгарда присутствует образ с высокой степенью индивидуальности: согласно «Речам Гримнира» (Старшая Эдда), стены Мидгарда сделаны из ресниц первосущества – великана Имира.

Таким образом, дерево Порфирия позволяет установить слои в семантических мотивировках Мидгарда. Самый древний слой восходит к семантеме «дерево – середина», что отмечено в реконструкции Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова [1]. Более поздняя реконструкция Мидгарда – это «срединное обитаемое пространство», окруженное океаном или Змеем. И совсем новая реконструкция связана с антропоморфной индивидуальностью великана Имира.

Картины мира в языке имеют слоевую природу и отражают индивидуальность пространства согласно дереву Порфирия. Так, архитектурный символ может быть выражен в концепции Мидгарда любым символом, однако приоритетным выступает связь идеи середины с мифологемой дерева (ср. древнеиндийское *madhya* – «середина», но литовское *medzias* и прусское *medi-an* – «дерево», латинское *mezis* – «лес»). Об этом также свидетельствует типологическая параллель: готское *fairbus* – «мир», которое соотносится с идеей горы (готское *fairguni*), но изначально восходит к глубинной идее

индивидуальности – древу. Иными словами, открытый Порфирием алгоритм индивидуальности мира поступательно отражен в картине мира [6].

Формы и расположения предметов описываются посредством аналогий, которые должны быть максимально очевидны. Так можно описать некоторые достаточно сложные формы исходя из их сходства с растением, животным или человеком, которые служат как бы резервом моделей видимого. Бедная субстанция «пространство» описывается через богатые субстанции, выступающие в качестве моделей мира. Любопытно, что слоевая композиция картин мира в индоевропейском и германском ареале, в частности, отражает последовательность индивидуальности древа Порфирия. Растительный код становится той схемой, с помощью которой моделируется реология, или вещное наполнение мира. Далее растительный код сменяется зооморфными и антропоморфными аналогами, которые предстают уже собственно как германские новации на индоевропейском фоне.

А самый древний текст одной из древнегерманских традиций – англосаксонской, по-видимому, следующий:

On foldan faegre stode/ wudubeam wlitig

*Se waes nyrtum faest / beorht on blaedum naes
he bearwe gelic/*

*Ac he hlifode to hefontunglum/ swilce he
oferfaedmde foldan sceatas/*

*Ealne middangeard od merestreamas/ twigum
and telgum* (Daniil A 498–504. Цит по [6]).

«На земле прекрасной стояло дерево красивое, оно было крепкое корнями, яркое плодами, не было оно ровно роце, однако вознеслось к небесам, так оно объяло земные просторы, весь срединный мир до морей-океанов ветвями и ветками...» [6].

Не случайно потом древо выступит в качестве символа христианского космоса, а с ним будет сопоставляться крест. В более поздней древнеанглийской поэме «Видение креста» крест (*beam*, буквально – древо) предстает центральным космическим символом, соединяющим «срединный мир» с небесами и определяющим координаты пространства.

Обнаруженный алгоритм индивидуальности эволюционно представлен в программе германского и индоевропейского космоса. Поиск общего в индоевропейских представлениях и ранних научных концепциях приводит к заключению об открытии индоевропейскими культурами уже на ранней стадии своего существования семантического принципа, иллюстрирующего тезис *Nomine sunt consequentia rerum* («Имена суть следствия вещей»).

Литература

1. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. В 2 ч. Ч. 2. – Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. – 969 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 т. Т. 2. Философия природы. – М.: Мысль, 1975. – 695 с.
3. Гете И.В. Образование и преобразование органических существ // Гете И.В. Избранные сочинения по естествознанию. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – С. 8–257.
4. Мур Дж.Э. Принципы этики. – М.: Прогресс, 1984. – 326 с.
5. Прокурин С.Г. Древнеанглийская пространственная лексика концептуализированных областей: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1990. – 24 с.
6. Прокурин С.Г. Семантика индоевропейской культуры. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – 233 с.

7. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения: семиологическая грамматика. – М.: Наука, 1981. – 360 с.

8. Чернов А. Поминание // Огонек. – 1989. – № 4.

9. Эко У. От древа к лабиринту: исторические исследования знака и интерпретации. – М.: Академический проект, 2016. – 559 с.

THE TREE BY PORPHYRY AND THE MAP OF THE WORLD*

S.G. Proskurin

National research
Novosibirsk State University,
Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk, Russian Federation

s.proskurin@mail.ru

Taxonomy of the world traced back to classic commentator's tradition of Porphyry. The works by Porphyry gives us foundation to judge the tempo of development of semiotics and philosophy of the name. Compiling the taxonomy of the natural world Porphyry drew subtle definition of objective and nonobjective substances in the live languages by means of their formal exposure. The characteristics of individual exposure of the world coincides with the consequence of layers in the map of the world since ancient periods until nowadays. Thus the sequence of floral, zoomorphic and anthropomorphic codes in interpretation of the world coincides with the natural taxonomy of the tree by Porphyry. The presentation of individual meanings is connected with the transition from poor sections of the taxonomy to the developed ones. So the individual properties of space are at maximum low, and many spatial substances acquire metaphorical meaning in floral, zoomorphic and anthropomorphic codes. The degree of individual properties is increasing due to their denoting by proper names, which transfer the higher degree of discretion. The individual properties present themselves a sort of fossils, within which we detect the change of the mapping of the world. Therefore the most ancient Indo-European mapping of the world is connected with the concept of the world tree. So the researcher gets a possibility to register such fossils in the form of the individual texts which depict the image of the space in the evolutionary program of space. As a substitution of floral code zoomorphic code comes, when individual properties of space are described on the basis of the form of the animal. The body of the animal in individual properties is richer than the plant. Then the anthropomorphic code comes. The mapping of the world is a very important task in metaphors microcosm- and macrocosm. The metaphors lexically are independent from each other, which gives the evidence of low plausibility of mixture in the order of space. The deeper we penetrate into the ancient layers of language, the more specialized meanings we discover.

Keywords: taxonomy, individual exposure, plant code, animal code, anthropomorphic code.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-2.2-132-139

References

1. *Indoeuropeiskii yazyk i indoeuropeitsy: rekonstruktsiya i istoriko-tipologicheskii analiz prazykyka i protokul'tury*. V 2 ch. Ch. 2 [Indo-European and

Indo-europeans: reconstruction and historic and typological analysis of protolanguage and protoculture. In 2 pt. Pt. 2]. Tbilisi, Tbilisskii universiteta Publ., 1984. 969 p.

* This research was supported by a grant from the Russian Scientific Foundation, Project # 14-28-00130.

2. Hegel G.W.F. *Entsiklopediya filosofskikh nauk*. V 3 t. T. 2. *Filosofiya prirody*. [Philosophy of nature. Encyclopedia of philosophical sciences. In 3 vol. Vol. 2]. Moscow, Mysl' Publ., 1975. 695 p. (In Russian).
3. Goethe J.W. *Obrazovanie i preobrazovanie organicheskikh sushchestv* [Bildung und Umbildung organischer Naturen]. Goethe J.W. *Izbrannye sochineniya po estestvoznaniyu* [Selected works on natural science]. Moscow, AN USSR Publ., 1957, p. 8–257. (In Russian).
4. Moore G.E. *Principia Ethica*. Cambridge, Cambridge University Press, 1962 (Russ. ed.: Mur Dzh.E. *Printsipy etiki*. Moscow, Progress Publ., 1984. 326 p.).
5. Proskurin S.G. *Drevneangliiskaya prostranstvennaya leksika kontseptualizirovannykh oblastei*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Old English spatial lexis of conceptualized domains. Author's abstract of PhD philological sci. diss.]. Moscow, 1990. 24 p.
6. Proskurin S.G. *Semiotika indoevropskoi kul'tury* [Semiotics of Indo-European culture]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2005. 233 p.
7. Stepanov Yu.S. *Imena. Predikaty. Predlozheniya: semiologicheskaya grammatika* [Names. Predicates. Suggestions: semiological grammar]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 360 p.
8. Chernov A. *Pominovenie* [Rememberence]. *Ogonek*, 1989, no. 4.
9. Eco U. *Ot dreva k labirintu: istoricheskie issledovaniya znaka i interpretatsii* [From the tree to the labyrinth: historical studies on the sign and interpretation]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2016. 559 p. (In Russian).